

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 811.161.1'37

ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИИ В ДНЕВНИКЕ И. А. БУНИНА «ОКАЯННЫЕ ДНИ»: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Антипина Е. С.

Байкальский государственный университет,
Иркутск, Россия
E-mail: antipina418@yandex.ru

В настоящей статье рассматривается произведение И.А. Бунина «Окаянные дни», написанное в исключительный момент истории, в период острых социально-политических конфликтов, когда наша страна стояла на пороге коренных перемен. Взгляд современника тех страшных, кровавых событий позволяет критически переосмыслить прошлое, взглянуть со стороны на самих себя, а также установить причины появления стереотипов о России и русских.

На примере художественного дневника «Окаянные дни» производится реконструкция образа революции, выявляются ключевые слова, эксплицирующие этот образ, устанавливается его лексико-семантический потенциал. Раскрывается тема исторической памяти, доказывающаяся взаимосвязь образа революции с лексико-семантическими группами группам *Пространство, Время, Цвет, Жизнь, Смерть, Религия, Человек, Общество, Эмоция, Власть, Природа* и концептом *Память*. С опорой на лексический состав дневника «Окаянные дни» и семантику ключевых слов обосновывается детерминация языковой картины мира писателя лингвокультурной и историко-культурной ситуациями, в которых создавалось это произведение.

Образ революции изучается с позиций научной объективности: в рамках современных направлений русистики (лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и социолингвистики).

Ключевые слова: образ революции, И.А. Бунин, концепт, лингвокультурная ситуация, языковая картина мира, лексико-семантическая группа.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что со дня окончания русской революции 1917 года прошло уже более ста лет, она по-прежнему вызывает общественные и научные дискуссии. События тех лет оказали существенное влияние на формирование представлений о нашей стране за рубежом. Сегодня ученые-лингвисты все чаще посвящают свои работы изучению образа России, в которых пытаются представить объективную модель имиджа нашего государства.

Нередко исследователи обращаются к наследию великих мастеров слова, поскольку в рамках художественной литературы создаются особенно запоминающиеся образы, служащие прекрасным материалом для наблюдения над тем, как факты истории и культуры отражаются в языке. Кроме того, русским писателям всегда были доступны те стороны национальной жизни и тайны бытия, которые не способны увидеть и постичь обычные люди. Именно поэтому в настоящей статье образ революции рассматривается на материале произведения нобелевского лауреата, ярчайшего представителя культуры XX века – И. А. Бунина. «Окаянные дни» стали бесценным образцом культурного наследия этого писателя и воспринимаются сегодня как историческое завещание и предостережение ныне живущим поколениям.

Цель настоящей статьи – раскрыть специфику такого исторического феномена, как российская революция на материале художественного дневника «Окаянные дни», выявить особенности репрезентации образа революции в художественной картине мира И. А. Бунина.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе истории образ революции не раз подвергался серьезным трансформациям. Первая попытка его реконструкции была осуществлена сразу же после февральских событий 1917 года. С переосмыслением революционной реальности и переоценкой реакций на явления, связанные с ней, мы сталкиваемся и сегодня. Такое положение дел объясняет актуальность выбранной темы, продиктованная необходимостью переоценки образа революции с позиций научной объективности. Кроме того, этим подтверждается и научная значимость исследования, обусловленная идеологическим детерминизмом феномена революция, а также его влиянием на конкретную историческую практику.

В современной лингвокультуре образы событий начала XX столетия входят в концепт «тысячелетней истории», в котором эмоциональная составляющая отодвигается на второй план [12]. На сегодняшний день отношение к революционной символике сильно изменилось (например, в контексте исторической памяти красный

флаг воспринимается уже не как символ Октября, а как символ Победы). О.Ю. Малинова видит в этом положительную сторону и утверждает, что власти, корректируя подобным образом символическую политику, пытаются противостоять тиражированию негативного образа Нас [9].

Как известно, на протяжении многих лет зарубежные СМИ восторгались русской революцией: будто бы она явила конкретный пример национальной трансформации немислимых масштабов, предложив не просто новое видение, но и реализацию многих политических и эстетических стремлений [17]. Безусловно, события 1917 года оказали огромное влияние на систему международных отношений, определили тенденции мирового развития в XX–XXI веках, однако все эти восторги были связаны, в первую очередь, с предвкушением победы демократии.

В постреволюционный период, как замечают В. Гарднер [15] и Б. Гелб [16], особой популярностью пользовались публикации Л. Брайант, Б. Биттик, произведения Дж. Рида, А. Вильямса, а также журналистские материалы Т. Драйзера, в которых содержались призывы к активному вмешательству других стран во внутренние дела России. Так, в одном из своих репортажей Дж. Рид приводит следующие слова российского нефтяного магната С.Г. Лианозова: «Революция – это болезнь. Раньше или позже иностранным державам придется вмешаться в наши дела, точно так же, как вмешиваются врачи, чтобы излечить больного ребенка и поставить его на ноги» [18, с. 14].

Публицисты, общественные деятели, философы, осознавая провокационность складывающейся вокруг России ситуации, поспешили на борьбу не только с внутренними, но и внешними политическими врагами. Не принимая однобокого, политически пристрастного взгляда на современную им действительность, они пытались корректировать представления о русской революции на Западе, стремились показать истинную картину социально-политического пространства России и дать объективную оценку происходящему.

По замечанию М. О. Кармановой, одной из первых, кто обратил на себя внимание за рубежом, стала русская эмигрантка А. Рэнд; ее работы были изданы на английском языке, что в дальнейшем и обеспечило им популярность [7]. Остальные

авторы долгое время находились «в тени», так как их труды публиковались на русском языке. Многие произведения получили известность лишь к концу XX века, так случилось и с художественным дневником И. А. Бунина «Окаянные дни».

В «Окаянных днях» И. А. Бунин, как и Н. А. Бердяев [2], высказывает свои опасения по поводу того, что «умная» нация может покорить нашу «глупую», и с иронией замечает: «Слух: союзники – теперь уж союзники! – вошли в соглашение с немцами, поручили им навести порядок в России» [5, с. 278]. В произведении подчеркивается безразличие русского народа к угрозе «порабощения» и его пассивная политическая позиция: «Что ж, пусть приходит. Он, немец-то, и прежде все равно нами владал. Он уж там, говорят, тридцать главных евреев арестовал. А нам что? Мы народ темный. Скажи одному “трогай”, а за ним и все» [5, с. 269]. Писатель обвиняет и «новое» правительство в том, что оно пошло по пути ослабления России. Неслучайно в его дневнике концептуально значимыми становятся имена прилагательные *русский* и *немецкий*. Для И. А. Бунина в сложившейся лингвокультурной ситуации важно сформировать объективное понимание того, что русское, а что нет, поэтому он свое (русское) интерпретирует сквозь призму чужого (нерусского).

В этом «документе эпохи» писатель пытается разрешить и другие важные проблемы, одна из которых связана с вопросом об ответственности за случившиеся исторические события. Тогда во всем обвиняли интеллигенцию, каждый выносил ей свой приговор. Так, член ЦК партии кадетов А. В. Тыркова-Вильямс в своем дневнике пишет, что ответственность должен нести не русский народ, не низы, не так называемые массы, а верхи, интеллигенция, грамотные люди всех градаций, все те, кто не сумел образовать сильное правительство [6].

И. А. Бунин, как и большая часть его современников, не принявшая революцию, был вынужден отбиваться от подобных нападок. На страницах «Окаянных дней» он вступает в ожесточенную полемику со своими идеологическими противниками: “Левые” все “эксцессы” революции валят на старый режим, черносотенцы – на евреев. А народ не виноват! Да и сам народ будет впоследствии валить все на другого

– на соседа и на еврея: “Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас жида на все это дело подбили...” [5, с. 296].

Характеризуя окружающую социальную реальность, выстраивая собственную картину мира, писатель пытается разрушить стереотипные суждения относительно интеллигенции («белых»), корректируя тем самым представления о революции и ее «героях». Именно по этой причине И. А. Бунин обращается к теме исторической памяти, которая, согласно Л. П. Репиной, представляет собой символическую репрезентацию исторического прошлого [11].

И. А. Бунин вслед за В. О. Ключевским говорит о чрезвычайной «повторяемости» русской истории и подчеркивает, что подобная ситуация разрушения «обыденного мира», государства и общества происходит в русской истории не в первый раз: «Новизна форм! В том-то и дело, что всякий русский бунт (и особенно теперешний), прежде всего, доказывает, до чего все старо на Руси <...> Русь – классическая страна буяна» [5, с. 372].

Стремясь осознать происходящее в России, он проводит аналогии с подобными потрясениями в прошлом: с татаро-монгольским нашествием, с периодом Смутного времени, с Крестьянской войной под предводительством Степана Разина и с бунтом Емельяна Пугачева. Кроме того, пытаясь определить степень кровожадности русских «вождей», он проводит параллели и с фактами из зарубежной истории: «Как раз читаю Ленотра Сен-Жюст, Робеспьер, Кутон... Ленин, Троцкий, Дзержинский... Кто подлее, кровожаднее, гаже? Конечно, все-таки московские. Но и парижские были неплохи. Кутон, говорит Ленотр, Кутон диктатор, ближайший сподвижник Робеспьера, лионский Аттила, законодатель и садист, палач, отправлявший на эшафот тысячи ни в чем не повинных душ» [5, с. 345].

Конструируя концепт памяти, И. А. Бунин придает образу революции особое символическое значение. Те символы, которые Б. М. Колоницкий [8] считает ключевыми – рабочая Марсельеза, красный флаг, двуглавый орел, Невский проспект и Казанский собор (в Петербурге), – приобретают в «Окаянных днях» негативную коннотацию: «Есть “Рабочая Марсельеза”, “Варшавянка”, “Интернационал”, “Народовольческий гимн”, “Красное знамя”... И все злобно, кроваво донельзя, лживо

до тошноты, плоско, убого до невероятия» [5, с. 327]. При этом писатель существенно расширяет названный символический ряд.

В контексте революционных событий в «Окаянных днях» важную роль играют типичные для русской культуры образы «старой» России: тройка как символ самодержавия, православия, народности, царский трон как олицетворение династии Романовых и власти императора Николая II. Не менее значим в произведении образ пира: «<...> шел тогда у нас пир на весь мир, и трезвы-то на пиру были только Ленины и Маяковские» [5, с. 316]. В приведенном фрагменте очевидна отсылка к статье С. Булгакова «На пиру богов [Pro и contra]» [3], в которой философ делится своими размышлениями о том, что происходит с Россией и русскими в угнетающей обстановке. Идею взаимосвязь произведения писателя и этим философским диалогом доказывает факт использования в качестве приема воздействия на читателя одних и тех же строк из стихотворения Ф. И. Тютчева: «Счастлив, кто посетил сей мир/В его минуты роковые <...>». В образе пира И. А. Бунин реализует булгаковское противопоставление ужаса эпохи – веселой вакханалии, шутовского отношения к смерти – надежде на избавление от революционной «чумы». Кроме того, в тексте С. Булгакова один из участников диалога – писатель – цитирует «Гимн чуме» Вальсингама, есть отсылка и к «Пиру во время чумы» А. С. Пушкина. Следовательно, перед нами образ-«матрешка», наполняющий текст сакральным смыслом и способствующий раскрытию его социально-политической проблематики. В «Окаянных днях» можно увидеть и литературную аллюзию на главу поэмы Н. А. Некрасова «Пир на весь мир»; здесь перед нами все те же мужики-вахлаки, которые устроили праздник, узнав, что «старый князь умер». В произведении И. А. Бунина пир становится метафорой «вахлацкого» понимания жизни как вечного праздника. Сам же писатель, противопоставляя традиционную картину мира и новую, сложившуюся в условиях повседневной революционной реальности, проводит параллель с произведением Платона «Пир», в котором древнегреческий философ высказывает идею о том, что любовь и устремление к прекрасному являются основной целью существования человека. И. А. Бунин, применяя такую аллюзию,

намеренно демонстрирует культурный и когнитивный диссонанс, возникающий у него в процессе осмысления реальной действительности.

Постигая свое бытие и бытие человека в единстве с многовековой историей человечества, писатель использует те лексические единицы, которые наиболее точно выражают его мысли, чувства и отвечают концептуальному строю произведения. Образ революции в его дневнике эксплицируют лексемы, относящиеся к разным лексико-семантическим группам.

Важнейшей категорией, определяющей образ революции в «Окаянных днях», становится время; оно эксплицируется с помощью лексемы *день*, которая является «<...> выразителем некоего “вещного” плана жизни» [10, с. 192]. На уровне текста наиболее значима связь слова *дни* с оценочным эпитетом *окаянный* в значении ‘проклятый’.

В словосочетании *окаянные дни* очевидна отсылка к фольклору, в частности, к русским былинам, в которых прилагательное *окаянный* ассоциируется со злыми силами (ср. в былинах: *змеище проклятое*). Имя существительное *день* встречается в составе устойчивого выражения *не по дням, а по часам*, характерного для русских сказок. Данная формула гиперболизирована, но описывает не положительный процесс – то, как быстро растет и развивается ребенок (ср. у А. С. Пушкина в «Сказке о царе Салтане»: «И растет ребенок там / Не по дням, а по часам»), а выражает негативную оценку, мнение по поводу происходящего. Прилагательное *окаянный* участвует в создании литературной аллюзии: оно обращает нас к библейскому ветхозаветному сюжету Книги Бытия, когда первый сын Адама и Евы, земледelec Каин, убил своего младшего брата Авеля. Вступая в синтагматические отношения с именами прилагательными *пустые, последние, долгие*, слово *дни*, наряду с другими лексическими единицами, репрезентирующими время (наименования времен года, месяцев, частей суток), обуславливает связь с историческим прошлым и работает на формирование концепта *Память*.

Следует отметить, что в «Окаянных днях» И. А. Бунин демонстрирует собственное восприятие времени, в котором прошлое важнее настоящего и будущего, строящегося на лингвокультурной универсалии «разрушения сегодня».

Ключевыми единицами, эксплицирующими образ революции в дневнике писателя, становятся нарицательные имена существительные *город, деревня*, а также топонимы *Москва, Петербург, Одесса*, которые символизируют замкнутое пространство и неволю. Олицетворением замкнутого пространства, несвободы становятся такие символы революционной эпохи, как грузовик (в нем, по мнению И. А. Бунина, была воплощена вся грубость современной культуры и ее «социального пафоса») и веревка, являющаяся в русской языковой картине мира аллегорическим образом социального угнетения, инструментом мученичества, зависимости, подчиненности.

Важной пространственной лексемой, которая транслирует несвободу и служит средством создания образа революции, является имя существительное *дом*. Дом отождествляется у И. А. Бунина с Россией. Наряду с лексемой *Россия* используется устаревшее слово *Русь*. Противопоставляя в своем дневнике эти два названия, писатель подчеркивает, что власти хотят разрушить Великую державу, превратить царскую Россию в «единую Русь», отбросив страну назад в прошлое.

Образ революции идейно и сюжетно расширяет лексико-семантическая группа *Природа*. Так, символом революции в произведении является *огонь*. Эта природная стихия служит средством создания оценочности и связана с лексико-семантическими группами *Эмоция* и *Время*. Слово *огонь* чаще всего встречается в составе фразеологизмов («лицо залилось огнем», «бояться как огня», «днем с огнем поискать», «из огня да в полымя»). И. А. Бунин использует также имя существительное *пожар*. Наиболее значимо употребление данной лексической единицы в метафорическом словосочетании «мировой пожар», которое в XX веке стало символом революции (ср. у А. Блока: «Мы на горе всем буржуям / Мировой пожар раздуем...»).

Еще одной значимой стихией в произведении является *вода*; эта лексема входит в состав крылатых выражений и выполняет аксиологическую функцию, характеризуя дисгармонию того времени («с них все как с гуся вода»; «Корнилов ввел смертную казнь – весь июль Васильевское было тише воды, ниже травы»). Заметим, что поговорка *тише воды, ниже травы* получает авторское переосмысление. Писатель

иронизирует, намекая на то, что жители деревни ступевались перед лицом настоящей опасности. *Вода* в дневнике «Окаянные дни» представлена именами существительными *море* и *река*, которые, работая на создание образа революции, приобретают семантику смерти («читал о стоящих на дне моря трупах»; «реки крови, море слез, а им все нипочем»). Употребление лексической единицы *море* наиболее значимо в выражении «этот остров “старого” мира в море грязи, подлости и низости». В произведении И. А. Бунина грязное, разливанное море обозначает «новый» мир, новую реальность. Важно заметить, что пространство «нового» мира олицетворяет черное, мрачное, угрюмое, ночное небо, которое противопоставлено яркому, светлому, синему небу – символу «старой» жизни. Иными словами, все «ландшафтные» лексемы, называющие землю, небо, водные стихии, принимают активное участие в реконструкции образа революции и погружают нас в атмосферу хаоса и беспорядка.

В произведении «Окаянные дни» образ революции репрезентируют также лексические единицы, которые указывают на положение человека в социуме и его взаимоотношения с окружающим миром. На первый план выходят антропонимы, называющие имена реальных исторических лиц (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, А. В. Колчак, В. В. Маяковский, А. А. Блок) и их некоторые ненормативные номинации (*сукины сыны* – в тексте в сокращенном виде: с. с.).

В дневнике важна портретная характеристика исторических личностей. И. А. Бунин описывает не только их поведение, но и внешний вид. В оценке ключевая роль отводится таким лексемам, как *голова*, *руки*, *глаза*, *лицо*, *волосы*, *шея*, которые нередко входят в состав фразеологизмов. Неслучайно Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев отмечают, что «уникальность человека, отличающую его от животного мира, язык видит не столько в его интеллектуальных или душевных качествах, сколько в особенностях его строения и в функциях составляющих его частей, в частности, в строении тела» [4, с. 523]. Оценивая политические взгляды и человеческие качества своих идеологических противников – Ленина и Маяковского – И. А. Бунин использует аллюзивную метонимическую портретную характеристику героя Гомера – Циклопа: «Одноглазый Полифем, к которому попал Одиссей в своих

странствиях, намеревался сожрать Одиссея. Ленин и Маяковский (которого еще в гимназии пророчески прозвали Идиотом Полифемовичем) были оба тоже довольно прозорливы и весьма сильны своим одноглазием» [5, с. 316]. В приведенном фрагменте один глаз становится символом зла, глупости и недалковидности. Писатель намеренно акцентирует внимание на физическом уродстве всех тех, кто принял революцию, создавая характеристики, созвучные традиционным представлениям в русской культуре о демонах и чертях, которые всегда изображались уродливыми и хромыми.

Подобные оценки И. А. Бунин дает и героям низших сословных классов. Писатель говорит о том, что «в человеке просыпается обезьяна», что внешний вид солдата разительно переменился, он стал каким-то звероподобным, страшным, особенно матрос. Используя различные устойчивые зооморфные метафорические сравнения и перенося характерные черты, повадки животного на человека, И.А. Бунин подчеркивает аморальность поведения, бездуховность людей.

Писатель видит, насколько сильно изменилось все российское общество: «Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские» [5, с. 278] (имя прилагательное *сахалинский* в данном контексте синонимично таким лексемам, как *азиатский, нерусский, чужой*; оно формирует представление о «русском простонародье» как о биологически ином подвиде, репрезентируя оппозицию «свой-чужой»).

Подобные метаморфозы он отмечает даже в своем ближайшем окружении: «О Коллонтай (рассказывал вчера Н. Н.): Была когда-то похожа на ангела. <...> Судебная и психиатрическая медицина давно знает и этот (ангелоподобный) тип среди прирожденных преступниц и проституток [5, с. 319]. С. А. Аскольдов, пытаясь объяснить данный социальный феномен, утверждает: «Ангельская природа, поскольку она мыслится прошедшей мимо познания добра и зла и сохранившей в себе первобытную невинность, во многом гораздо ближе и родственнее природе зверя, чем человека. Правда, святость есть нечто иное, чем ангелоподобность» [1, с. 225].

Важным ресурсом описания образов героев и революции в произведении становится символика цвета. Так, имя прилагательное *белый* олицетворяет «старый», привычный мир, слово *красный* в произведении приобретает отрицательную окраску и является символом «новой» действительности.

Народ, толпа ассоциируются в дневнике «Окаянные дни» с серым цветом. Имя прилагательное *серый* эксплицирует семантику смерти, вражды, тоски, скуки, мучения. Так, в произведении появляется символ смерти – *черный ворон*, который напрямую сопряжен с образом революции.

Мастерски реконструируемая с помощью цвета, модель мира представляет в произведении действительность, в которой торжествует антигуманное, безнравственное начало. Красный, черный, серый цвета, соотносясь с семантикой смерти, работают на воссоздание образа повседневной революционной реальности. При описании ужасов революции И. А. Бунин использует такие словосочетания, как *великая смерть*, *смертью истязательной*, а также лексему *кровь* в переносном значении “убийство” [13, с. 1522]. Слово *кровь* употребляется либо в сочетании с фразеологическими единицами, либо в их составе («*проливают напрасно кровь*», где лить кровь означает ‘убивать кого-либо’ [14, с. 227]; «*по горло ходил в их крови*» или «*шагать по колено в крови*» в значении ‘сверх всякой меры’ [14, с. 501].

Очевидно, что образ революции связан и с лексико-семантической группой *Эмоция*, которую вербализуют лексемы *страх*, *ужас*, фразеологизмы и крылатые выражения («камень на душе», «египетская казнь», «помертветь от страха»), а также различные сравнительные обороты. С помощью ключевых слов, репрезентирующих категории страшного и ужасного, воплощается идея нестабильности, иррациональности действительности, резкой смены исторических периодов, в результате которой меняется сам человек.

Образ революции И. А. Бунин рассматривает сквозь призму взаимоотношений между человеком и Богом. При этом писатель опирается на традиционные нравственные категории и понятия христианской культуры и на нравственные нормы поведения человека в обществе. Базовыми лексемами, отражающими корреляцию «религиозного» и «социального», становятся имена существительные *сатана*,

дьявол, Каин, черти и т.п. С образом революции в «Окаянных днях» связаны не только библейские герои, символы, сюжеты, но и представители русской православной церкви. Известно, что при осмысливании событий тех лет важную роль отводят Г. Распутину. Так, С. А. Аскольдов замечал: «Гр. Распутин – это первый и крупнейший деятель русской революции, ибо именно он был главным фактором глубочайшего падения видимой русской Церкви» [1, с. 227]. И. А. Бунин не оправдывает Г. Распутина, но писатель вынужден корректировать представления о нем, поскольку «красный народ», по его мнению, является более нравственно несовершенным: «Развратник, пьяница Распутин, злой гений России». Конечно, хорош был мужичок. Ну, а вы-то, не вылезавшие из “Медведей” и “Бродячих Собак”»? [5, с. 281]. Итак, очевидно, что образ революции транслируется в соответствии с лингвокультурной ситуацией, когда утрачивается вера в Бога и бытовая сфера жизни становится важнее надбытовой.

ВЫВОДЫ

Дневник «Окаянные дни» представляет собой уникальное явление, поскольку он предполагает художественное моделирование действительности (в том числе и образа революции) при помощи фактов. Для этого произведения характерна повторяемость определенных лексем, которые формируют макротемы, связывают записи в единое целое, становясь концептуальными ядрами лексико-семантических групп.

В формировании образа революции в произведении «Окаянные дни» ведущая роль отводится ключевым словам, относящимся к лексико-семантическим группам *Пространство, Время, Цвет, Жизнь, Смерть, Религия, Человек, Общество, Эмоция, Власть, Природа*. Все языковые единицы, эксплицирующие названные лексико-семантические группы, отражают взгляды И. А. Бунина на историко-культурную ситуацию начала XX века. Ключевые слова, репрезентирующие революционную реальность в анализируемом дневнике, образуют обширные синтагматические, парадигматические, ассоциативные текстовые связи, характеризуют лингвокультурную ситуацию того времени и языковую картину мира писателя. Через

эстетику ключевых слов раскрываются индивидуальные черты языковой личности дневника, особенности его психики и мировоззрения. Так, лексические единицы со значением пространства раскрывают религиозно-философскую проблематику, а со значением времени – идеологические и гражданско-патриотические воззрения писателя. Лексические единицы, входящие в ЛСГ *Цвет*, с одной стороны, выражают колористическую семантику, а с другой – становятся репрезентантами социально-политического и гражданского раскола российского общества. ЛСГ *Жизнь* и ЛСГ *Смерть* предстают как двуединое пространство. Если жизнь – это динамика и движение, то смерть – статика, не подверженная временным изменениям. Смерть представлена не только как физиологическое состояние живого организма, которое означает прекращение жизнедеятельности, но еще и ассоциируется с отсутствием развития или совершенствования, приводящим к духовной гибели. ЛСГ *Религия* взаимодействует с ЛСГ *Жизнь* и ЛСГ *Смерть*, а также с ЛСГ *Власть*; являясь значимой в религиозно-философском аспекте. Эта группа раскрывает мировосприятие писателя, на которое повлияла философия всеединства В.С. Соловьева, утверждающая глубокую взаимосвязь и взаимозависимость всего сущего в мироздании. ЛСГ *Религия* приобретает новые смыслы за счет такого важного содержательного компонента, как *социальное*. Тесная взаимосвязь религии и социума раскрывает, в свою очередь, один из всечужнейших конфликтов произведения – отношение человека к Богу. ЛСГ *Человек* реализует гендерный, возрастной и социальный аспекты; И. А. Бунин дает характеристики социальным классам и идеологическим противникам через призму собственного мировосприятия и восприятия исторической ситуации. Лексические единицы, эксплицирующие ЛСГ *Эмоция*, раскрывают индивидуальные черты языковой личности дневника; данная группа связана с категориями *счастье* и *несчастье*. ЛСГ *Общество* выстраивается на бинарной оппозиции *свой-чужой*. Представление о том, что есть свое и чужое важно для И. А. Бунина, у которого вещи имеют не материальную, а духовную, нравственную ценность. Наиболее значимым оказывается политическое и идеологическое содержание данной оппозиции, поскольку она выражает гражданскую позицию писателя. ЛСГ *Власть* приобретает ортодоксальный смысл. в

произведении власть ассоциируется с дисгармонией, беспорядком, хаосом. ЛСГ *Природа* тесно связана с ЛСГ *Человек*; лексемы, вербализующие эти группы, символизируют и олицетворяют жизнь человека (его бытие), окружающий мир, явления действительности.

Все названные лексико-семантические группы, в свою очередь, связаны с концептом *Память*. Это обусловлено событиями начала XX века – временем, когда позиционировалось особое отношение к прошлому и по-особому воспринималось будущее. Лексемы, эксплицирующие образ революции, направлены на развенчивание мифа о начале новой эры и построении справедливого общества. При этом определяющую роль в выборе слова играют идеологические воззрения писателя.

Среди частеречных констант особое место занимают личные местоимения *я* и *мы*, повторяемость которых обусловлена не только спецификой жанра произведения, но и другими задачами, связанными с раскрытием основных тем, идей и значимой для И. А. Бунина оценочной сферы. Повторяемость ключевых лексем свидетельствует о том, что за ними закреплена важная информация и определенные сегменты знания. Детерминируя эстетику образа революции, которая задана предельно поляризованной с идеологической точки зрения оппозицией *свое – чужое*, они позволяют проникнуть в логику прагматикона языковой личности писателя и наблюдать за тем, как под воздействием внешних обстоятельств может меняться картина мира писателя.

Список литературы

3. Аскольдов, С. А. Религиозный смысл русской революции [Текст] / С. А. Аскольдов // Вехи : сб. ст. о рус. интеллигенции ; Из глубины : сб. ст. о рус. революции / [сост. и подгот. текста А. А. Яковлева ; примеч. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова, А. Келли]. – Москва : Правда, 1991. – С. 210–249.
4. Бердяев, Н. А. Духи русской революции [Текст] / Н. А. Бердяев // Вехи : сб. ст. о рус. интеллигенции ; Из глубины : сб. ст. о рус. революции / [сост. и подгот. текста

- А. А. Яковлева ; примеч. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова, А. Келли]. – Москва : Правда, 1991. – С. 250–289.
5. Булгаков, С. Н. На пиру богов. Pro и contra [Текст] / С. Н. Булгаков // Вехи : сб. ст. о рус. интеллигенции ; Из глубины : сб. ст. о рус. революции / сост. и подгот. текста А. А. Яковлева ; примеч. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова, А. Келли. – Москва : Правда, 1991. – С. 290–353.
 6. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 574 с.
 7. Бунин, И. А. Собрание сочинений : в 9 т. [Текст] / И. А. Бунин ; сост. И. Владимиров. – Москва : Terra-кн. клуб, 2009. – Т. 8 : Из дневниковых записей. Окаянные дни. – 384 с.
 8. Тыркова, А. Дама против Ленина [Текст] / А. Тыркова ; ред. Л. Роговая // Российская газета. – 2017. – 21 апр. (№ 86).
 9. Карманова, М. О. Феномен восприятия революции 1917 г. в США (1917–1933) [Текст] / М. О. Карманова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 2 (42). – С. 37–46.
 10. Колоницкий, Б. М. Политические символы и борьба за власть в 1917 г. : лекция [Электронный ресурс] / Б. М. Колоницкий // Единое окно доступа к образовательным ресурсам : федер. портал. – Режим доступа: <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/483/38483/16281>.
 11. Малинова, О. Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России [Текст] / О. Ю. Малинова // Политическая концептология. – 2013. – № 1. – С. 114–130.
 12. Михеева, Л. Н. Время в русской языковой картине мира [Текст] / Л. Н. Михеева. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. – 252 с.
 13. История и память : историческая культура Европы до начала нового времени [Текст] / ред. Л. П. Репина. – Москва : Кругъ, 2006. – 768 с.
 14. Рожнева, С. С. Политика Президента РФ как фактор трансформации исторической памяти об Октябрьской революции 1917 года в современной России [Текст] /

- С. С. Рожнева // XX век и Россия : общество, реформы, революции : сб. ст. – Самара, 2018. – Вып. 6. – С. 42–53.
15. Толковый словарь русского языка : в 4 т. [Текст] / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Сов. энциклопедия : ОГИЗ, 1935-1940. – Т. 1. – 1562 с.
16. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров ; под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стер. – Москва : Рус. яз., 1986. – 543 с.
17. Gardner V. Friend and Lover: The Life of Louise Bryant. New York: Horizon Press, 1982. 390 p.
18. Gelb B. So Short a Time: A Biography of John Reed and Louise Bryant. New York: Norton & Company, 1973. 304 p.
19. McKible A. The Space and Place of Modernism: Little Magazines, The Russian Revolution and New York. Abingdon: Routledge, 2002. 185 p.
20. Reed J. Red Russia. The Liberator. 1918. № 1. P. 14–21.

References

1. Askoldov S. A. *Religioznyi Smysl Russkoi Revolyutsii* [Religious Meaning of the Russian Revolution]. In Yakovleva A. A., Kolerov M. A., Plotnikov N. S., Kelli A. (eds). *Vekhi. Iz Glubiny* [Milestones. From the Depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 210–249.
2. Berdyaev N. A. *Dukhi Russkoi Revolyutsii* [Spirits of the Russian Revolution]. In Yakovleva A. A., Kolerov M. A., Plotnikov N. S., Kelli A. (eds). *Vekhi. Iz Glubiny* [Milestones. From the Depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 250–289.
3. Bulgakov S. N. *Na Piru Bogov. Pro i Contra* [At the Feast of the Gods]. In Yakovleva A. A., Kolerov M. A., Plotnikov N. S., Kelli A. (eds). *Vekhi. Iz Glubiny* [Milestones. From the Depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 290–353.
4. Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya Kontseptualizatsiya Mira (na Materiale Russkoi Grammatiki)* [Language Conceptualization of the World (Based on Russian Grammar)]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1997. 574 p.

5. Bunin I. A.; Vladimirov I. (ed.). *Sobranie Sochinenii* [The Collected Works]. Moscow: Terra-Knizhnyi Klub Publ., 2009. Vol. 8. 384 p.
6. Tyrkova A.; Rogovaya L. (ed.). *Dama protiv Lenina* [The Lady against Lenin]. *Rossiiskaya Gazeta*, 2017, April 21.
7. Karmanova M. O. *Fenomen Vospriyatiya Revolyutsii 1917 Goda v SSHA (1917–1933)* [The Phenomenon of Perception of the Revolution of 1917 in the USA (1917–1933)]. *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Povolzhskii Region. Gumanitarnye Nauki*, 2017, no. 2 (42), pp. 37–46.
8. Kolonitsky B. M. *Politicheskie Simvoly i Bor'ba za Vlast' v 1917 Godu: Lektsiya* [Political Symbols and the Struggle for Power in 1917. A Lecture]. *Edinoe Okno Dostupa k Obrazovatel'nym Resursam*. Available at: <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/483/38483/16281>.
9. Malinova O. Yu. *Problema Politicheski Prigodnogo Proshlogo i Jevolyutsiya Ofitsial'noi Simvolicheskoi Politiki v Postsovetskoi Rossii* [The Problem of the Politically "Fit" Past and Evolution of Official Symbolic Politics in Post-Soviet Russia]. *Politicheskaya Kontseptologiya*, 2013, no. 1, pp. 114–130.
10. Mikheeva L. N. *Vremya v Russkoi Yazykovoii Kartine Mira* [Time in the Russian Linguistic Picture of the World]. Ivanovo: Ivanovo State University Publ., 2003. 252 p.
11. Repina L. P. (ed.). *Istoriya i Pamyat': Istoricheskaya Kul'tura Evropy do Nachala Novogo Vremeni* [History and Memory: Historical Culture of Europe before the Beginning of Modern Times]. Moscow, Krug Publ., 2006. 768 p.
12. Rozhneva S. S. *Politika Prezidenta RF kak Faktor Transformatsii Istoricheskoi Pamyati ob Oktyabr'skoi Revolyutsii 1917 Goda v Sovremennoi Rossii* [Policy of the President of the Russian Federation as a Factor of Transformation of the Historical Memory of the October Revolution of 1917 in Modern Russia]. *XX Vek i Rossiya: Obshchestvo, Reformy, Revolyutsii*. Samara, 2018, iss. 6, pp. 42–53.
13. Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi Slovar Russkogo Yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1935-1940. Vol. 1. 1562 p.

14. Voinova L. A., Zhukov V. P., Molotkov A. I., Fedorov A. I. (eds). *Frazeologicheskii Slovar Russkogo Yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1986. 543 p.
15. Gardner V. *Friend and Lover: The Life of Louise Bryant*. New York, Horizon Press, 1982. 390 p.
16. Gelb B. *So Short a Time: A Biography of John Reed and Louise Bryant*. New York, Norton & Company, 1973. 304 p.
17. McKible A. *The Space and Place of Modernism: Little Magazines, The Russian Revolution and New York*. Abingdon, Routledge, 2002. 185 p.
18. Reed J. Red Russia. *The Liberator*, 1918, no. 1, pp. 14–21.

THE IMAGE OF REVOLUTION IN I.A. BUNIN'S DIARY CURSED DAYS: LEXICO-SEMANTIC ASPECT

Antipina E. S.

This article considers Ivan Bunin's work *Cursed Days*, written at an exceptional moment of history, during acute sociopolitical conflicts, when our country was standing on the cusp of drastic changes. The contemporary view of those terrible, bloody events allows us to re-evaluate critically the past, have a perspective at ourselves, as well as define the reasons of appearing of stereotypes concerning Russia and the Russians.

Using the literary diary *Cursed Days* as an example, we reconstruct the image of revolution, discover the keywords explicating this image and establish its lexico-semantic value.

By the example of the artistic diary *Cursed Days*, the image of the revolution is reconstructed, the keywords explicating this image are revealed, its lexical and semantic potential is established. The theme of historical memory is revealed, the relationship between the image of the revolution and the lexical-semantic groups is proved to the groups Space, Time, Color, Life, Death, Religion, Man, Society, Emotion, Power, Nature and the concept of Memory. Based on the lexical composition of the *Cursed Days* diary and the semantics of keywords, the determination of the linguistic picture of the writer's world by the linguistic and historical-cultural situations in which this work was created is substantiated.

The image of the revolution is studied from the standpoint of scientific objectivity: within the framework of modern trends in Russian studies (linguoculturology, cognitive linguistics and sociolinguistics).

Keywords: image of revolution, I.A. Bunin, concept, linguocultural situation, linguistic representation of the world, lexico-semantic field.